

Вэй Анъюань поспешно велел слуге принести горячую ткань, но, немного подумав, сам прикладывать ее не решился. Он передал полотенце Жуань Юньшэну, а тот, пару раз встряхнув его в руках, осторожно прижал к коленям Е Мяня.

Боль была такой, словно впились тысячи игл. Посторонних рядом не было, поэтому Е Мянь взвыл во весь голос. Другьям было и жаль его, и смешно. Жуань Юньшэн принялся тихонько дуть ему на ноги, попутно аккуратно втирая мазь.

— Анъюань, мне нужно спрятаться у тебя в поместье на ночь, — сказал Е Мянь, натягивая сапоги после того, как с лекарством было покончено.

— А, хорошо, — растерялся Вэй Анъюань. — Ты опять поссорился с заместителем министра Е?

— Да нет, — Е Мянь потер нос. — Мы не ссорились, просто я еще утром умудрился его разозлить. Старик предупредил, что дома с меня шкуру спустит.

Все понимающе переглянулись. То-то он с самого утра ходил с такой кислой миной.

Выйдя за ворота Цзисянь, Е Мянь махнул рукой ждавшему снаружи Фэнцзиню и распорядился:

— Сегодня я заночую в поместье левого министра. Вернешься домой и скажешь им...

Пока Е Мянь лихорадочно соображал, какую бы отговорку придумать, Фэнцзинь с улыбкой прервал его:

— Молодой господин, сегодня за вами приехали.

— А? Кто? — у Е Мяня екнуло сердце. Неужели весть о сегодняшней драке в академии уже долетела до отца, и старик снова подослал управляющего Ню, чтобы тот притащил его домой? Прошлую порку он до сих пор помнил во всех деталях.

Впрочем, по лицу Фэнцзиня этого видно не было.

— Хе-хе, а вы угадайте!

— Цыц, ну и кто же? — Е Мяню сегодня было не до загадок с мальчишкой, так что он просто направился напрямик к экипажу.

Вэй Анъюань с остальными увидели, как Е Мянь в несколько размашистых шагов подошел к повозке и нетерпеливо рванул занавеску. В следующий миг он замер, уставившись внутрь широко раскрытыми глазами. Лишь спустя добрых полминуты он нехотя выдавил:

— Старший брат.

Парни переглянулись и поспешили подбежать ближе. В просторном экипаже, полулежа на расшитых золотой нитью красных парчовых подушках, сидел благородный молодой господин в светлых шелковых одеждах, с серебряным венцом на голове и нефритовым поясом на талии. Его поза казалась небрежной и ленивой, но при этом исполненной изящества и достоинства. Увидев подошедших юношей, он не спеша выпрямился и слегка приподнял уголки губ. В каждом его движении, во взгляде и изгибе бровей сквозило невероятное, притягательное очарование.

У ребят возникло ощущение, будто их окутал теплый весенний ветер. Они смущенно покраснели и, склонившись в глубоком поклоне, послушно поприветствовали его:

— Братец Цзин.

У ворот Императорской академии Гоцзысюэ все еще толпилось немало народу. Прослышав о прибытии господина Дуаньхуа, ученики гурьбой бросились к повозке, вытягивая шеи в надежде хоть краем глаза узреть легендарную красоту.

— Чего уставились? — рявкнул на них Е Мянью, свирепо округлив глаза.

С этими словами он запрыгнул в экипаж и с силой задернул штору, отсекая любопытные взгляды. Лишь через мгновение он вспомнил, что нужно крикнуть наружу:

— Аньюань, я приеду к тебе в другой раз! Мне пора!

Как только экипаж тронулся, Е Мянью с унылым видом спросил Е Цзина:

— И зачем ты приехал?

Е Цзин негромко рассмеялся:

— Что, если бы я не приехал, ты бы так и не вернулся домой?

— Попытался бы протянуть еще денек-другой, — Е Мянью откинулся на мягкую подушку и обреченно вздохнул. — Все равно старик меня терпеть не может. Стоит мне съесть хоть один твой кусок кунжутного пирога, он тут же начинает ругаться. Скука смертная.

— Чепуху говоришь, отец просто недоволен твоей ленью, — Е Цзин внезапно перестал улыбаться. Он потянул Е Мянью к себе, принялся и, изящно нахмутив брови, спросил: — Почему от тебя так сильно пахнет лекарствами?

Е Мянью неестественно кашлянул и отвернулся.

В его голове вихрем пронеслось несколько оправданий, но, повернув голову назад, он наткнулся на пронизательный, с легкой усмешкой взгляд брата. Пытаться врать расхотелось мгновенно. Все-таки его брат служил в судебном приказе Далисы и был профессионалом по части допросов и распознавания лжи. Е Мянью, жалкому любителю, тягаться с таким специалистом точно не стоило.

Обреченно прокашлявшись, он признался:

— Сегодня я подрался в академии, и в павильоне Синсы меня заставили стоять на коленях четыре часа.

Е Цзин окинул брата оценивающим взглядом, перехватил его левую руку, которую тот прятал за спиной, и вытащил на свет. Внимательно осмотрев ее, он нахмурился:

— Неужели подрались настолько серьезно?

Е Мянью вырвал ладонь:

— Пустяки. Наш дорогой отец бьет куда болезненнее.

Е Цзин молча посмотрел на него.

— Не знаю, донесли уже отцу или нет, но ты просто обязан защитить меня, когда мы вернемся.

Если меня снова отлупят, ты лишишься младшего брата! Матушка ведь уже в годах, нового родить не сможет... Ай!

Е Цзин отвесил ему подзатыльник и строго отчитал:

— Ты уже и при мне смеешь молоть всякую чушь. Поделом тебе достается от отца, несколько не жаль.

Е Мянъ разозлился и снова пошел на рожон:

— Как бы там ни было, сегодня мои кости новых побоев не выдержат. Если он опять примется за розги, я за себя не ручаюсь, устрою такой скандал — мало не покажется! И если тебе, как старшему сыну, не хочется потом разгребать эти завалы, лучше сам со всем разберись!

Е Цзин на мгновение замолчал, вновь окинул его взглядом с ног до головы и вдруг тихо рассмеялся:

— Надо же, меня не было всего несколько месяцев, а ты так обнаглел. Похоже, совсем позабыл, кто в этом поместье хозяин.

Голос Е Цзина по-прежнему звучал мягко, но улыбка стала холодной. У Е Мянъ внутри все похолодело. Поняв, что брат действительно рассердился, он решил не испытывать судьбу и вовремя пойти на попятную. Сглотнув слюну, он поспешно капитулировал.

Он пододвинулся ближе к брату. Видя, что Е Цзин не собирается его отчитывать, он сел вплотную и обнял его за талию, всем своим видом выражая искреннее раскаяние и покорность.

В поместье Е сегодня царило оживление. В павильоне Шоюнь старой госпожи накрыли целых три стола. Были приглашены все наложницы, а также сыновья и дочери от них. Чтобы отпраздновать возвращение старшего молодого господина, старая госпожа даже сделала исключение и велела кухне приготовить богатый мясной пир.

Госпожа Цзян без устали хлопотала в зале, распоряжаясь служанками, пока старая госпожа Е не отправила свою старшую служанку Юнь-эр вернуть ее. Старая госпожа с мягким укором проворчала:

— И чего ты сегодня сама бегаешь да суетишься? Разве без тебя некому столы накрыть?

Госпожа Цю с улыбкой покачала головой. Е Цзин тоже смотрел на супругу с бесконечной нежностью. Цзян Наньчу залилась краской, а сияющая няня Ду усадила ее рядом со старшим молодым господином.

Е Цзин взял госпожу Цзян за руку и мягко похлопал по ладони, успокаивая.

Старая госпожа весело рассмеялась:

— Вот так-то лучше, вот так-то лучше!

Несколько уважаемых служанок постарше и молодых горничных тоже принялись по-доброму подшучивать. Цзян Наньчу, заливаясь краской, шутливо пригрозила Е Цзиню взглядом и высвободила свою руку, отчего все снова дружно рассмеялись.

Няня Ду, глядя на то, как ее воспитанница — всегда столь благородная и степенная вторая барышня — смущается словно маленькая девочка, испытывала одновременно и умиление, и

радость.

Старая госпожа повернулась к заместителю министра Е и с напускной строгостью произнесла:

— Братец Цзин только вернулся, так что все свои дела оставь на завтра. Пусть Наньчу поможет ему лечь пораньше, и не вздумай снова тащить его к себе в кабинет!

Расплывшийся в улыбке заместитель министра Е поспешно поклонился в знак согласия.

Старая госпожа и госпожа Цю принялись расспрашивать Е Цзиня о бытовых мелочах его поездки на юг, и все присутствующие внимательно слушали их разговор.

Е Мянй молча сидел за столом и пил чай, стараясь ничем себя не выдавать. Он наблюдал за тем, как бабушка ласково воркует над старшим братом, как светится любовью лицо матери, как гордо смотрит отец, с какой нежностью глядит невестка и как молодые служанки украдкой бросают на Е Цзиня смущенные взгляды.

«Кажется, сегодня старику точно будет не до меня», — с облегчением подумал он.

Е Мянй успел выпить два чайника чаю вприкуску со сладостями, прежде чем все наконец приступили к праздничному обеду.

Во время застолья мочевого пузыря Е Мянй не выдержал, и ему пришлось трижды отлучаться в уборную, за что он каждый раз достаивался гневного взгляда от отца. Когда он вернулся в третий раз, пир уже подходил к концу. Заместитель министра Е уставился на него, словно внезапно о чем-то вспомнив. Сердце Е Мянй ушло в пятки.

Но тут раздался голос Е Цзина:

— Мянй-эр, зайди позже ко мне в кабинет.

Старая госпожа недовольно покачала головой:

— Ты только с дороги, к чему такая спешка? Неужто нельзя до завтра подождать?

Госпожа Цзян, которая всегда поддерживала мужа, мягко добавила:

— Должно быть, господин хочет проверить учебу Мянй-эра. Через два дня в академии начнется очередной декадный экзамен.

Когда дело касалось учебы, старая госпожа спорить не решилась и лишь беспомощно вздохнула.

Заместитель министра Е согласно кивнул и тут же сурово пригрозил Е Мянй:

— Не смей пренебрегать заботой брата! Он столько дней провел в пути, а едва вернувшись, уже думает о твоём образовании. Если и за этот декадный экзамен ты притащишь низшую оценку, я тебе ноги переломаю!

Баохэ, неся в руках одежду, которую четвертый молодой господин Е должен был надеть завтра, вошла в кабинет павильона Бихуа. Старший молодой господин, одетый в домашнее платье, сидел за письменным столом и слушал отчет второго молодого господина. Рядом двое слуг подливали чай. Баохэ, стараясь не смотреть по сторонам, приподняла занавеску и прошла во внутренние покои.

Эти внутренние покои служили старшему молодому господину местом для отдыха, когда он уставал от дел. Баохэ не знала, часто ли он сам ими пользовался, но ее четвертый молодой господин Е всякий раз, приходя в павильон Бихуа, оставался ночевать именно здесь. Тут хранилось множество личных вещей Е Мяня, и если бы не его многомесячное отсутствие, за одеждой во двор Баофэн даже не пришлось бы посылать.

<http://bllate.org/book/18289/1753837>